

DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-1-144-163

Научная статья

Вопросы биомедицины в практике Европейского суда по правам человека: Дело *Boljević v. Serbia*

Ж.-Б. Букуру

Российский университет дружбы народов,
г. Москва, Российская Федерация
bukuru-zh@rudn.ru

Аннотация. Рассматривается практика Европейского суда по правам человека по некоторым делам, связанным с применением достижений биомедицины в свете реализации прав и свобод человека, предусмотренных Европейской конвенцией прав человека и протоколами к ней. В частности, дело *Boljević v. Serbia*, в котором заявитель, гражданин Сербии, утверждал, что его право на уважение частной и семейной жизни было нарушено в результате отказа национальных судов Сербии в возобновлении судебного разбирательства по установлению отцовства. Заявитель хотел доказать, путем проведения анализа ДНК, что гражданин А. являлся его биологическим отцом. Отметим, что по данному делу в 1970-х годах национальный суд принял решение, согласно которому гражданин А. не был признан отцом заявителя, а последний указал, что в то время невозможно было проводить анализ ДНК и он не знал о существовании такого решения суда (в процессе по данному делу заявитель был представлен опекуном, так как он был несовершеннолетним), и что теперь есть такая возможность. В связи с этим заявитель утверждал, что отказ в удовлетворении его требований со стороны национальных судов, указывающих на истечение срока исковой давности, является нарушением его права на семейную и личную жизнь. ЕСПЧ постановил, что имело место нарушение ст. 8 Конвенции. В данном деле решаются вопросы о соблюдении баланса частных и публичных интересов (интересы заявителя по установлению личности своего отца и интересы государства в сохранении правовой определенности).

Ключевые слова: Европейский суд по правам человека, Европейская конвенция прав человека, анализ ДНК, право на частную и семейную жизнь, отцовство

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии у них конфликта интересов.

Информация о финансировании. Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.

Дата поступления в редакцию: 25 июля 2020 г.

Дата принятия к печати: 15 января 2021 г.

© Букуру Ж.-Б., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

Для цитирования:

Букуру Ж.-Б. Вопросы биомедицины в практике Европейского суда по правам человека: Дело *Boljević v. Serbia* // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2021. Т. 25. № 1. С. 144–163. DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-1-144-163

DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-1-144-163

Research Article

Biomedicine issues in the European Court of Human Rights Case-Law: *Boljević v. Serbia*

Jean-Baptiste Bukuru

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russian Federation
bukuru-zh@rudn.ru

Abstract. The article considers the recent case-law of the European Court of Human Rights in cases related to the use of the achievements of biomedicine in the light of the implementation of human rights and freedoms provided for by the European Convention on Human Rights and its additional protocols. In fact, the author pays special attention to the case of *Boljević v. Serbia*, in which the applicant, a Serbian citizen, alleged that his right to respect for private and family life had been violated as a result of the refusal of the Serbian national courts to reopen paternity proceedings, in which the applicant intended to prove, through DNA testing, that Mr. A was his biological father. It has to be mentioned that in this case in the 1970s the Serbian national courts issued final decision according to which Mr. A was not recognized as the applicant's biological father, and the applicant indicated that at that time it was impossible to carry out DNA test and he did not know about the existence of such decision (during the proceedings, the applicant was represented by a lawyer appointed by local authorities, since he was a minor), and that now there is such a possibility. In this connection, the applicant argued that the denial to satisfy his claims on procedural basis by the domestic courts violated his right to family and private life. The ECtHR ruled that Art. 8 of the Convention has been violated. In that case, the issues of compliance with a balance of private and public interests were dealt with (the interests of the applicant to establish his biological father identity and the interests of the state in maintaining legal certainty).

Key words: European Court of Human Rights, European Convention on Human Rights, DNA analysis, right to private and family life, paternity

Conflicts of interest. The author declared no conflicts of interest.

Funding information. This paper has been supported by the RUDN University Strategic Academic Program.

Article received 25th July 2020

Article accepted 15th January 2021

For citation:

Bukuru, J.-B. (2021) Biomedicine issues in the European Court of Human Rights Case-Law: *Boljević v. Serbia*. *RUDN Journal of Law*. 25 (1), 144–163. (in Russian) DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-1-144-163

Введение

Развитие современных технологий и их применение в биомедицине, исследование, хранение и использование генетических данных человека безусловно затрагивают сферу прав человека, закрепленных в международных документах по правам человека, в частности в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (ЕКПЧ) и Конвенции Совета Европы о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины, принятой в г. Овьедо в 1997 г. — Конвенции Овьедо, которая является единственным обязывающим международно-правовым документом в Европе в сфере геномики (Kalinichenko & Kosilkin, 2019), являющимся результатом усилий Совета Европы (Raposo, 2016) по правовому регулированию биомедицины в свете защиты прав человека. В этой связи Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) в своей практике рассматривает дела, связанные с защитой прав человека в области биомедицины (Kalinichenko, 2019) путем применения расширительного толкования положений ЕКЧП, в частности ст. 3, 8 и 14 (прямые нарушения ЕКПЧ), а также субсидиарные нарушения Конвенции Овьедо и рекомендаций Руководящего комитета Совета Европы по биоэтике (Seatzu & Fanni, 2015). Обращая внимание на последнюю практику ЕСПЧ в этой сфере, можно выделить следующие дела.

По делу *R.S. v. Hungary* (2 июля 2019 г.) заявитель жаловался на то, что полиция заставила его сдавать анализ мочи с помощью катетера в связи с подозрением его в том, что он якобы находился под воздействием алкоголя или наркотиков во время управления транспортным средством. Он утверждал, что принудительное взятие у него образца мочи представляло собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение и серьезное вторжение в его физическую неприкосновенность¹.

Суд постановил, что имело место нарушение статьи 3 (запрещение бесчеловечного или унижающего достоинство обращения) Конвенции, указав, что власти подвергали заявителя серьезному вмешательству в его физическую и психическую неприкосновенность. ЕСПЧ в своей практике обратил внимание на необходимость соблюдения определенных требований прав человека при использовании биологических материалов человека в уголовном процессе (Kaplina, Shylo & Titko, 2019).

По делу *Мифсуд против Мальты (Mifsud v. Malta)* (29 января 2019 г.) заявитель утверждал, что предусмотренная национальным законодательством Мальты обязанность проходить генетическую экспертизу (анализ ДНК) для установления отцовства по простой просьбе ребенка или его матери является нарушением его права на уважение частной и личной жизни, гарантированного ст. 8 Конвенции (Joural, 2019). Суд постановил, что не было нарушения ст. 8

¹ R.S. v. Hungary, 65290/14, European court of human rights, 02.07.2019.

Конвенции (Saukkola, 2020), указав, что в данном случае был соблюден баланс интересов дочери установить личность отца (что является неотъемлемой частью права на частную и личную жизнь) и интересов заявителя не проходить генетическую экспертизу без его согласия².

16 июня 2020 г. ЕСПЧ вынес постановление по делу *Boljević v. Serbia*, которое подробно рассматривается в данной статье.

Консультативное заключение ЕСПЧ по запросу Кассационного суда Франции, 10 апреля 2019. Данное консультативное заключение было вынесено ЕСПЧ в связи с обращением с запросом Кассационного суда Франции в соответствии с Протоколом № 16 к Европейской конвенции прав человека (Wąsek-Wiaderek, 2019). ЕСПЧ в своем мнении указал, что в ситуации, когда ребенок родился за границей в результате суррогатного материнства, право данного ребенка на уважение частной и семейной жизни по смыслу статьи 8 Конвенции требует, чтобы внутреннее законодательство государства предусматривало возможность признания законных отношений ребенка с матерью, указанной в свидетельстве о рождении, выданном в другом государстве (Weiss, 2019), и что для реализации данного права не требуется такого признания путем внесения деталей свидетельства о рождении ребенка в ЗАГС (Margaria, 2020), и что можно применять другие механизмы, например, усыновление ребенка предполагаемой матерью³. Это связано с тем, что использование суррогатного материнства запрещено во Франции (Duguet, Prudil & Hrevtsova, 2014), а дети, рожденные в других странах, нуждаются в защите своих прав.

Дело *Boljević v. Serbia*

Обстоятельства дела

В 1970-х годах гражданином А. (предполагаемым отцом заявителя) был подан иск в национальный суд Сербии, районный суд г. Зренянина, против заявителя и его матери относительно оспаривания отцовства. Заявитель, который на тот момент являлся несовершеннолетним ребенком, в ходе разбирательства был представлен опекуном, адвокатом из г. Зренянина, который был назначен для этого местным Центром социальной помощи для защиты его интересов в суде⁴. В своем решении по делу районный суд г. Зренянина установил, что гражданин А. и мать заявителя встречались с 10 по 13 июля 1969 года, заключили брак 11 августа 1969 года и что заявитель родился 25 декабря 1969 года, около четырех месяцев спустя. Указывается, что согласно имеющейся меди-

² *Mifsud v. Malta*, 62257/15, European court of human rights, 29.01.2019.

³ Advisory opinion concerning the recognition in domestic law of a legal parent-child relationship between a child born through a gestational surrogacy arrangement abroad and the intended mother, P16-2018-001, European court of human rights, 10th April 2019.

⁴ *Boljević v. Serbia*, 47443/14, European court of human rights, 16th June 2020. Para. 5.

цинской документации не было установлено, что рождение ребенка было преждевременным, и районный суд г. Зренянина пришел к выводу о том, что гражданин А. не мог быть биологическим отцом заявителя. Мать заявителя, со своей стороны, на протяжении всего разбирательства утверждала, что у нее были интимные отношения с гражданином А. с весны 1969 года до того, как они заключили брак. Отмечается, что проведенные анализы крови были признаны неубедительными для решения вопроса о том, был ли гражданин А. биологическим отцом заявителя⁵.

Заявитель и его мать не были удовлетворены решением районного суда г. Зренянина и подали апелляцию и 31 августа 1972 г. Верховный суд Воеводины (Сербия) оставил решение районного суда г. Зренянина без изменений, и тем самым оно стало окончательным (Boljević v. Serbia, 2020) (Para. 6).

Заявитель утверждал, что он узнал о вышеупомянутых судебных решениях только в ходе разбирательства, связанного с наследованием, состоявшегося после смерти его предполагаемого отца г-на А. в 2011 г. (Boljević v. Serbia, 2020) (Para. 7). Заявитель указал, что до этого он считал бесспорным фактом то, что гражданин А. являлся его биологическим отцом и последний, по словам заявителя, никогда не делал ничего, что могло бы ставить данный факт под сомнение (Boljević v. Serbia, 2020) (Para. 7).

Заявление о возобновлении производства по делу об отцовстве

4 января 2012 года заявитель и его мать обратились в суд с ходатайством о возобновлении производства по делу для установления отцовства с применением анализа ДНК, по которому Верховный суд Воеводины вынес решение 31 августа 1972 г. в апелляционном порядке (Boljević v. Serbia, para. 8), в результате которого гражданин А. не был признан отцом заявителя. Поскольку предполагаемый отец заявителя умер, иск был подан против его законных наследников. Заявитель и его мать сообщили суду о том, когда и как заявитель узнал о существовании ранее принятых судебных решений, и отметили, что, несмотря на эти решения, гражданин А. всегда указывался как отец заявителя в официальном реестре рождений. Ни гражданин А., ни мать заявителя никогда не информировали заявителя об указанных судебных решениях относительно установления отцовства. Заявитель и его мать также отметили, что проведение анализа ДНК было невозможно в 1970-х годах, но что теперь такой анализ может проводиться по решению суда. Все вышеперечисленное, по их словам, оправдывает возобновление гражданского разбирательства, чтобы установить, был ли гражданин А. биологическим отцом заявителя⁶.

---

⁵ Boljević v. Serbia, 47443/14, European court of human rights, 16th June 2020. Para. 5.

⁶ Boljević v. Serbia, 47443/14, European court of human rights, 16th June 2020. Para. 8.

9 января 2012 года Высокий суд г. Зренянина отклонил ходатайство заявителя и его матери о повторном рассмотрении данного дела. Суд, в частности, указал, что: (1) оспариваемые решения были приняты в 1971 и 1972 годах, следовательно, истек срок подачи заявления о пересмотре решения); (2) заявителю как несовершеннолетнему на тот момент был назначен опекун, который представлял его в ходе разбирательства в районном суде г. Зренянина; (3) опекун даже впоследствии подал апелляцию в Верховный суд Воеводины; (4) не было доказательств того, что данные суды действовали незаконно или иным образом ограничили участие заявителя через его опекуна в разбирательстве по делу; и (5) утверждение о том, что мать заявителя не проинформировала его о принятых судами решениях в надлежащее время само по себе не являлось достаточным основанием для проведения повторного рассмотрения дела по просьбе заявителя⁷. Высокий суд г. Зренянина указал, что заявитель не смог доказать, что его ходатайство было подано с соблюдением сроков, установленных в Гражданском процессуальном кодексе Сербии.

18 января 2012 г. заявитель и его мать подали апелляционную жалобу на данное решение⁸. В апелляционной жалобе говорилось, что мать заявителя никогда не пыталась скрыть правду от заявителя в его ущерб, но не хотела «обременять его судебной несправедливостью». Мать признала, что полностью не осознавала юридические последствия такого решения. Заявитель и его мать отмечали, что первоначальное судебное разбирательство по делу имело недостатки с учетом того, что факты не были установлены надлежащим образом, судебная экспертиза в то время (включая анализ крови) была неубедительной, утверждали, что свидетели дали ложные показания в суде и что у матери заявителя не было возможности задавать им вопросы. Они также отметили, что гражданин А. никогда не предпринимал попытки изменить информацию, содержащуюся в официальном реестре рождений, в котором он все еще был указан как отец заявителя, и что назначенный местными органами опекун заявителя также не смог впоследствии проинформировать заявителя о его правах в отношении установления отцовства гражданина А.⁹

31 января 2012 года Апелляционный суд Нови-Сада оставил в силе решение Высокого суда г. Зренянина от 9 января 2012 г. Апелляционный суд, в частности, отметил, что утверждение заявителя о том, что он был уведомлен об оспариваемых решениях только недавно, не имеет значения, поскольку в первоначальном разбирательстве он был законно представлен опекуном в судах двух инстанций¹⁰.

⁷ Boljević v. Serbia, 47443/14, European court of human rights, 16th June 2020. Para. 9.

⁸ Boljević v. Serbia, 47443/14, European court of human rights, 16th June 2020. Para. 10.

⁹ Boljević v. Serbia, 47443/14, European court of human rights, 16th June 2020. Para. 10.

¹⁰ Boljević v. Serbia, 47443/14, European court of human rights, 16th June 2020. Para. 11.

Рассмотрение дела в Конституционном суде Сербии

21 марта 2012 г. заявитель подал жалобу в Конституционный суд. В своей жалобе он утверждал, что на процессуальной основе ему было отказано в праве установить личность своего биологического отца с помощью анализа ДНК, что является нарушением его прав, закрепленных Европейской конвенцией прав человека и протоколами к ней. Заявитель также утверждал, что он пострадал от нарушения его права на справедливое судебное разбирательство и права на средства правовой защиты и равную защиту в судах, как это закреплено в Конституции Сербии¹¹.

23 января 2014 года Конституционный суд Сербии вынес свое решение. Он отклонил доводы заявителя, указав, что, во-первых, оспариваемые решения судов общей юрисдикции касались лишь их отказа возобновить разбирательство, которое уже было завершено принятием вступившего в силу судебного решения. Во-вторых, Конституционный Суд отметил, что ходатайство заявителя о возобновлении разбирательства было рассмотрено в судах двух разных инстанций и что Конституция не гарантирует положительного и благоприятного для заявителя исхода в каждом конкретном случае. В-третьих, что касается жалобы заявителя в отношении равной защиты его прав в судах и права ребенка знать личность своего отца, Конституционный суд постановил, что, с точки зрения Конституции, эти права не могут считаться нарушенными каким-либо образом оспариваемыми судебными решениями, учитывая как их содержание, так и их юридическую природу¹².

Положения национального законодательства Сербии по вопросам отцовства

Конституция Сербии. Основные положения по правам человека в основном закреплены в Конституции страны. Статья 18 Конституции Сербии предусматривает, в частности, что «права человека и права меньшинств, гарантированные Конституцией, должны осуществляться непосредственно»¹³. Конституция гарантирует права, которые признаны общепринятыми нормами международного права и ратифицированными международными договорами. Права человека и права меньшинств также должны толковаться в соответствии с действующими международными стандартами по правам человека и меньшинств, а также в соответствии с практикой международных учреждений, которые осуществляют мониторинг за их соблюдением»¹⁴. Статья 32 Конституции Сербии

¹¹ Boljević v. Serbia, 47443/14, European court of human rights, 16th June 2020. Para. 12.

¹² Boljević v. Serbia, 47443/14, European court of human rights, 16th June 2020. Para. 13.

¹³ Конституция Сербии 2006 г. Доступно: http://www.parlament.gov.rs/upload/documents/Constitution_%20of_Serbia_pdf.pdf (дата обращения: 10.07.2020).

¹⁴ Конституция Сербии 2006 г. Доступно: http://www.parlament.gov.rs/upload/documents/Constitution_%20of_Serbia_pdf.pdf (дата обращения: 10.07.2020).

предусматривает, в частности, право на справедливое судебное разбирательство в гражданском и уголовном процессе¹⁵. Ст. 36 закрепляет принцип равной защиты прав в судах, а также право каждого на апелляцию или другое средство правовой защиты в отношении любого решения, связанного с определением своих прав, обязанностей или законных интересов¹⁶. Ст. 170 предусматривает, что «конституционная жалоба может быть подана против отдельных нормативно-правовых актов или действий, осуществляемых государственными органами или организациями, выполняющими делегированные публичные полномочия, которые нарушают или отменяют права и свободы человека или меньшинства, гарантированные Конституцией, в случае, если другие средства правовой защиты уже были использованы или точно не определены»¹⁷.

Гражданско-процессуальный кодекс 2004 г. и 2011 г. В п. 1 ст. 279 Гражданско-процессуального кодекса Сербии 2004 г. было предусмотрено, в частности, что суд отклонит иск как неприемлемый, если он приходит к выводу о том, что по данному делу уже имеется вступившее в законную силу судебное решение¹⁸. Ст. 422 данного ГПК 2004 г. предусматривала, в частности, что рассмотрение дела, завершено окончательным решением суда, может быть возобновлено: (1) если стороне рассматриваемого дела незаконно было отказано в возможности участвовать в его разбирательстве; (2) если лицо, не имевшее право участвовать в разбирательстве, действительно участвовало в этом качестве, или если были другие соответствующие вопросы, касающиеся разрешения сторон и/или представительства; (3) если оспариваемое окончательное решение было основано на ложных показаниях свидетеля или судебного эксперта или на поддельных документах; (4) если решение было принято в результате преступления, совершенного судьей, народным заседателем, стороной судебного разбирательства, законным опекуном стороны и/или законным представителем или любым третьим лицом; (5) если впоследствии возникла возможность для стороны в процессе полагаться на другое окончательное судебное решение, принятое по тому же вопросу и между теми же сторонами, но в более раннюю дату; (6) если оспариваемое окончательное решение было основано на другом решении, принятом судом или административным органом, которое тем временем было отменено или утратило силу; (7) если оспариваемое окончательное решение было основано на определении предварительного правового вопроса, который впоследствии был по-другому решен другим органом; (8) если сторона разбирательства впоследствии узнала о новых фактах или доказательствах, кото-

¹⁵ Конституция Сербии 2006 г. Доступно: http://www.parlament.gov.rs/upload/documents/Constitution_%20of_Serbia_pdf.pdf (дата обращения: 10.07.2020).

¹⁶ Конституция Сербии 2006 г. Доступно: http://www.parlament.gov.rs/upload/documents/Constitution_%20of_Serbia_pdf.pdf (дата обращения: 10.07.2020).

¹⁷ Конституция Сербии 2006 г. Доступно: http://www.parlament.gov.rs/upload/documents/Constitution_%20of_Serbia_pdf.pdf (дата обращения: 10.07.2020).

¹⁸ *Boljević v. Serbia*, 47443/14, European court of human rights, 16th June 2020. Para. 19.

рые могли бы привести к более благоприятному исходу разбирательства, если бы они были известны ранее; (9) если Европейский суд по правам человека впоследствии вынес решение по тому же или аналогичному правовому вопросу в отношении государства-ответчика; и (10) если впоследствии Конституционный суд установил в связи с рассматриваемым разбирательством нарушение прав, гарантированных Конституцией¹⁹. Ст. 424 предусматривает, что в отношении оснований, указанных в подпунктах (1) и (8) ст. 422, иск может быть подан в течение тридцати дней с момента, когда сторона, требующая повторного разбирательства, получила окончательное решение, о котором идет речь, или когда она сообщила суду о новых фактах или доказательствах. В любом случае, по истечении пяти лет после того, как оспариваемое решение стало окончательным и вступило в законную силу, повторное открытие и рассмотрение не может быть запрошено, за исключением случаев, указанных в подпунктах (1), (2), (9) и (10) данной статьи²⁰. Это означает, что в данных обстоятельствах ходатайство заявителя на повторное рассмотрение дела по установлению личности своего отца не могло быть удовлетворено национальными судами.

В п. 11 ст. 426 Гражданского процессуального закона 2011 г., который заменил ГПК 2004 г., предусмотрено, что судопроизводство по гражданским делам, завершённое принятием окончательного судебного решения, может быть возобновлено по заявлению одной из сторон, если решение Европейского суда по правам человека, в котором установлено нарушение прав человека, может привести к более благоприятному исходу данного разбирательства для заинтересованной стороны²¹.

Закон о семье Сербии. П. 1 ст. 55 и п. 1 ст. 251 Закона о семье предусматривают, что в случае необходимости ребенок может в любое время подавать иск в суд для установления личности отца, без каких-либо сроков. Ст. 255 данного закона предусматривает, что если ребенок подает иск об установлении отцовства после смерти его предполагаемого отца, то ответчиками по делу являются его наследники или, если таких лиц нет, то ответчиком будет Республика Сербия²².

Рассмотрение дела в ЕСПЧ

Заявитель жаловался на то, что ему не дали возможность установить личность своего биологического отца с помощью анализа ДНК, и указал на нарушение положений ЕКПЧ и протоколов к ней.

¹⁹ Boljević v. Serbia, 47443/14, European court of human rights, 16th June 2020. Para. 20.

²⁰ Boljević v. Serbia, 47443/14, European court of human rights, 16th June 2020. Para. 21.

²¹ Гражданский процессуальный кодекс Сербии 2011 г. Доступно: <http://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/ELECTRONIC/89387/102672/F1054601860/SRB-2011-L-89387.pdf> (дата обращения: 23.07.2020)

²² Family act of Serbia, 2004. Available from: <http://azil.rs/en/wp-content/uploads/2017/04/family-act-serbia.pdf> [Accessed 23th July 2020].

Европейский суд по правам человека посчитал, что жалоба подлежит рассмотрению в соответствии по ст. 8 ЕКПЧ, которая гласит: «1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции. 2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц»²³.

Юрисдикция Суда *ratione materiae*

Европейский суд по правам человека в своей практике признал, что вопросы, связанные с установлением отцовства, подпадают под действие статьи 8 ЕКПЧ. Следовательно, в данном деле Суд не стал определять, касается ли процедура установления родительских связей между заявителем и его предполагаемым биологическим отцом «семейной жизни» по смыслу статьи 8 Конвенции, поскольку в любом случае право знать своих родственников подпадает под понятие «частная жизнь», которое охватывает важные аспекты личной жизни, такие как личность родителей. В связи с этим данная жалоба подпадает под юрисдикцию *ratione materiae* Суда²⁴.

Аргументы сторон. Заявитель утверждал, что государство-ответчик нарушило его права, предусмотренные Европейской конвенцией прав человека, в частности ст. 8 о праве на уважение частной и семейной жизни. Правительство утверждало, что заявитель не использовал существующие эффективные внутригосударственные средства правовой защиты и что заявитель должен был подавать новый иск об установлении отцовства на основании статьи 55 Закона Сербии о семье, чтобы в рамках данного разбирательства он мог потребовать проведения анализа ДНК для установления личности своего биологического отца. По мнению государства-ответчика, такой иск может быть подан в любое время, поскольку по данным вопросам установления отцовства не установлено срока исковой давности²⁵.

Кроме того, государство-ответчик утверждало, что в любом случае заявитель не использовал процедуру конституционного обжалования надлежащим образом, поскольку его жалоба в конституционную инстанцию носила общий характер и касалась процессуальных вопросов в связи с отказом ему суда-

---

²³ Европейская конвенция по правам человека 1950 г. Доступно: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf (дата обращения: 13.06.2020).

²⁴ *Boljević v. Serbia*, 47443/14, European court of human rights, 16th June 2020. Para. 28.

²⁵ *Boljević v. Serbia*, 47443/14, European court of human rights, 16th June 2020. Para. 29.

ми общей юрисдикции в возобновлении производства по делу об установлении отцовства²⁶.

Заявитель в свою очередь утверждал, что он выполнил требование об исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты и, в частности, что он надлежащим образом подал свою жалобу в Конституционный суд, но его требования не были удовлетворены. Что касается возможности подачи иска в суд в соответствии со статьей 55 Закона о семье, на который ссылалось государство-ответчик, заявитель утверждал, что такой иск был бы отклонен, поскольку в 1970-х годах по этому же делу судом уже было принято вступившее в законную силу решение²⁷.

Мнение Европейского суда по правам человека

ЕСПЧ указал, что в случае нарушения положений Европейской конвенции прав человека заявитель обязан исчерпать доступные внутренние средства правовой защиты. Наличие данных средств правовой защиты должно быть достаточно определенным не только в законе, но и на практике, в противном случае невозможно говорить об их доступности и эффективности.

Суд отметил, что согласно п. 1 ст. 35 ЕКПЧ необходимо, чтобы жалобы, поданные в ЕСПЧ, были поданы изначально в соответствующие компетентные органы государства-ответчика в соответствии с требованиями и сроками, установленными во внутреннем законодательстве, и, кроме того, что должны быть использованы существующие любые процедурные средства, которые могут предотвратить нарушение Конвенции²⁸. Суд далее обратил внимание на условия определения эффективности средств правовой защиты. Он указал, что для того, чтобы быть эффективным, средство правовой защиты должно быть способно разобраться с непосредственно оспариваемым положением дел и должно предлагать разумные перспективы успеха. Это было установлено ЕСПЧ в своей практике по делам *Балог против Венгрии*²⁹ и *Сейдович против Италии*³⁰, по которым Суд указал, что бремя доказывания того, что национальные средства правовой защиты являются доступными и эффективными, лежит на государстве-ответчике, а не на заявителе. Суд отметил также в своей практике, что в некоторых исключительных случаях заявитель может не исчерпать внутренние средства защиты, но наличие простых сомнений в отношении перспектив успеха того или иного средства правовой защиты не освобождает заявителя от их исчерпания (Lazic, 2013). В этой связи Суд подчеркнул необходимость применения правила исчер-

---

²⁶ Boljević v. Serbia, 47443/14, European court of human rights, 16th June 2020. Para. 30.

²⁷ Boljević v. Serbia, 47443/14, European court of human rights, 16th June 2020. Para. 31.

²⁸ Boljević v. Serbia, 47443/14, European court of human rights, 16th June 2020. Para. 34.

²⁹ Balogh v. Hungary, 47940/99, European court of human rights, 20th July 2004.

³⁰ Sejdovic v. Italy, 56581/00, European court of human rights, 1st March 2006.

пания внутренних средств правовой защиты с некоторой степенью гибкости и без чрезмерного формализма³¹. Если, например, существует несколько потенциально эффективных средств правовой защиты, от заявителя требуется использовать всего лишь одно из таких средств по своему выбору (Conor & Ursula, 2014).

Что касается бремени доказывания, как было указано выше, Суд подчеркнул, что правительство должно убедить Суд в том, что средство правовой защиты было эффективным, доступным в теории и на практике в соответствующий момент времени³². После того, как государство-ответчик докажет доступность и эффективность средства защиты, заявителю надлежит доказать, что средство правовой защиты, указанное государством-ответчиком, действительно использовалось или было по какой-то причине неадекватным и неэффективным в конкретных обстоятельствах дела, или что существовали особые обстоятельства, освобождающие его от этого требования³³, что было установлено ранее Судом в своих решениях (*McFarlane v. Ireland*, 2010) (Para. 107).

Применительно к рассматриваемому делу Суд отметил, что несмотря на наличие положений Закона Сербии о семье 2005 г. о возможном повторном рассмотрении судом дел по вопросам отцовства, государство-ответчик не предоставило ему какой-либо информации по поводу практики национальных органов, чтобы удостоверить Суд в том, что заявитель фактически мог через суд добиваться установления личности своего биологического отца посредством анализа ДНК независимо от наличия окончательного судебного решения по тому же делу, принятого в 1970-х годах (*Boljević v. Serbia*, 2020) (Para. 38).

Кроме того, Суд отметил, что в п. 1 ст. 279 Гражданского процессуально-го закона, который действовал в то время, когда заявитель мог бы подавать новый иск об установлении отцовства, было закреплено, что суд общей юрисдикции отклонит иск как неприемлемый, если он обнаружит, что по данному делу уже было вынесено окончательное судебное решение. Европейский суд по правам человека отметил, что при таких обстоятельствах заявитель не был обязан использовать данное средство защиты, указанное государством-ответчиком, так как повторная подача иска была недопустима согласно положениям Гражданско-процессуального закона того периода, в том случае когда имеется вступившее в законную силу решение суда³⁴. Суд указал также, что, с учетом того, что заявитель обратился в Конституционный суд Сербии для решения вопроса об установлении личности своего биологического отца, он исчерпал внутренние средства правовой защиты. Следовательно, возражение правительства на этом основании

³¹ *Boljević v. Serbia*, 47443/14, European court of human rights, 16th June 2020. Para. 36.

³² *Boljević v. Serbia*, 47443/14, European court of human rights, 16th June 2020. Para. 37.

³³ *Boljević v. Serbia*, 47443/14, European court of human rights, 16th June 2020. Para. 37.

³⁴ *Boljević v. Serbia*, 47443/14, European court of human rights, 16th June 2020. Ibid. 38.

исчерпания внутренних средств правовой защиты было отклонено³⁵. Суд пришел к выводу, что жалоба заявителя является обоснованной и приемлемой.

Существо дела. Заявитель утверждал, что национальные суды при рассмотрении иска о возобновлении производства по делу должным образом не приняли во внимание тот факт, что он узнал о существовании вступившего в законную силу судебного решения относительно установления отцовства только в ходе разбирательства по наследованию после смерти своего предполагаемого отца. По мнению заявителя, отказ ребенку в праве установить личность своего отца посредством анализа ДНК является неприемлемым с точки зрения Европейской конвенции прав человека. Кроме того, он указал, что интерес ребенка по установлению личности своего биологического родителя является всегда актуальным вне зависимости от течения времени, и что на национальном уровне явно не было системы, которая могла бы предоставить ему возможность реализовать свое право³⁶.

Правительство признало, что заявитель не знал о существовании решения 1971 года до смерти его предполагаемого отца и что он имеет законный интерес установить его личность, но указало на то, что национальные суды не смогли ему разрешить проведение повторного разбирательства по данному вопросу в связи с установленными в законе временными ограничениями, так как в 1970-х годах было принято судебное решение в этом отношении, а также с целью сохранения и поддержания правовой определенности страны³⁷. Принцип правовой определенности рассматривается и применяется Европейским судом по правам человека, который в своей практике выявлял нарушения данного принципа со стороны государств-участников в случае придания обратной силы новым законам, отмены вступивших в законную силу судебных решений, включения в законодательные акты положений, которые не отвечают законным ожиданиям человека, несбалансированности частных и публичных интересов в законе или судебном решении (Troitsky, 2017). Некоторые авторы отмечают, что правовая определенность является средством единства статичности и динамики права и обеспечивает состояние стабильности и безопасности функционирования как самого государства и общества, так и его членов (Sidorenko, 2016). В этой связи государство-ответчик настаивало на том, что установленные законом сроки уже истекли по данному делу, и что у национальных судов не было другого выбора, кроме как отклонить иск о повторном разбирательстве для установления личности отца заявителя, поскольку, по мнению правительства, указанные сроки были разумными с точки зрения их продолжительности и необходимыми для сохранения правовой определенности³⁸. Европейский суд по

³⁵ Boljević v. Serbia, 47443/14, European court of human rights, 16th June 2020. Ibid. 40.

³⁶ Boljević v. Serbia, 47443/14, European court of human rights, 16th June 2020. Ibid. 42.

³⁷ Boljević v. Serbia, 47443/14, European court of human rights, 16th June 2020. Ibid. 43.

³⁸ Boljević v. Serbia, 47443/14, European court of human rights, 16th June 2020. Para. 43.

правам человека признал, что возобновление разбирательства по делу, по которому уже вынесено вступившее в законную силу судебное решение относительно установления отцовства может иметь серьезные потенциальные последствия для правовой определенности³⁹. Правительство также указало на то, что заявитель должен был подавать совсем новый гражданский иск на основании статьи 55 Закона о семье, и что если бы заявитель использовал указанный способ подачи нового иска и впоследствии был бы лишен возможности установить личность своего биологического отца с помощью анализа ДНК, тогда было бы разумно обсудить, не выполнило ли государство-ответчик требования ст. 8 Конвенции⁴⁰. В этой связи государство-ответчик утвердило, что, по его мнению, не было нарушения ст. 8 ЕКПЧ.

Европейский суд по правам человека отметил, что основной целью статьи 8 Конвенции является защита личности от произвольных действий со стороны государственных органов⁴¹. Кроме того, он указал, что у государства по данной статье могут быть не только негативные, но и положительные обязательства, связанные с обеспечением эффективного уважения к частной или семейной жизни. По его мнению, эти обязательства могут включать принятие мер, направленных на обеспечение уважения частной жизни в сфере отношений между частными лицами. Суд указал, что, границы между положительными и негативными обязательствами государства в соответствии с этим положением не поддаются точному определению, применимые принципы, тем не менее, похожи, и что в обоих случаях необходимо учитывать справедливый баланс, который необходимо соблюдать между конкурирующими интересами человека и общества в целом, и в обоих случаях государство обладает определенной свободой усмотрения⁴².

Суд обратил внимание на то, что статья 422 Гражданско-процессуального закона Сербии предусматривала, в частности, что рассмотрение дела, по которому было вынесено окончательное судебное решение, может быть возобновлено, если сторона соответствующего разбирательства впоследствии узнала о новых фактах или доказательствах, которые могут привести к более благоприятному исходу разбирательства, если бы они были известны ранее. Однако в соответствии со статьей 424 того же закона просьба об этом может быть подана только в течение пяти лет после того, как оспариваемое решение стало окончательным. Европейский суд по правам человека установил, что заявитель долгое время не знал о существовании судебного решения по данному делу об

³⁹ Boljević v. Serbia, 47443/14, European court of human rights, 16th June 2020. Para. 43.

⁴⁰ Boljević v. Serbia, 47443/14, European court of human rights, 16th June 2020. Para. 43.

⁴¹ Boljević v. Serbia, 47443/14, European court of human rights, 16th June 2020. Para. 44.

⁴² Boljević v. Serbia, 47443/14, European court of human rights, 16th June 2020. Para. 44.

установлении отцовства и следовательно, не мог подавать иск в соответствии с указанными положениями⁴³.

ЕСПЧ в своей практике по делу *Backlund v Finland* признал, что установление сроков давности по делам, связанным с установлением отцовства, имеет законную цель, и такие сроки предназначены для защиты интересов предполагаемых отцов от несвоевременных исков, предотвращая тем самым возможную несправедливость, в том случае если в суд обращаются по этому поводу много лет спустя⁴⁴. Суд посчитал допустимым, что национальные суды могут на законных основаниях отказать в возобновлении разбирательства по другим основаниям, не связанным с временными рамками, если эти основания должным образом считаются необоснованными⁴⁵.

В этой связи Европейский суд по правам человека пришел к выводу, что отказ сербских судебных органов возобновить разбирательство по делу об установлении отцовства, по которому в 1970-х годах было вынесено окончательное решение, соответствовал закону и преследовал законные цели обеспечения правовой определенности и защиты прав других лиц (*Boljević v. Serbia*, 2020) (Para. 49). Суд рассмотрел также вопрос о соблюдении баланса интересов.

При решении вопроса о том, имело ли место нарушение или соблюдение статьи 8 Конвенции, Суд должен был определить, был ли соблюден государством-ответчиком справедливый баланс между конкурирующими правами и интересами в данном деле (*Boljević v. Serbia*, 2020) (Para. 50). Суд отметил, что помимо взвешивания интересов личности по отношению к общим интересам общества в целом требуется сбалансирование конкурирующих частных интересов (*Boljević v. Serbia*, 2020) (Para. 50). В своей практике по делу *Odièvre v. France* ЕСПЧ указал, что решение вопроса сбалансирования интересов частных лиц находится на усмотрении государства (*Steiner*, 2003). Суд подчеркнул, что в данном случае выражение «каждый» в статье 8 Конвенции применяется как к ребенку, так и к предполагаемому отцу⁴⁶. Он указал, что, с одной стороны, люди имеют право знать свое происхождение, это право вытекает из широкого толкования понятия частной жизни, что было подтверждено по делу *Odièvre v. France*⁴⁷, по которому заявительница требовала установления личности своей матери, так как последняя ее родила анонимно и передала в детский дом, где она потом была удочерена другой семьей. Суд подчеркнул, что лица, стремящиеся установить личность своих родственников, имеют жизненно важный интерес, защищенный Конвенцией, в получении информации, необходимой для раскрытия правды о важном аспекте их личности и устранения любой неопре-

⁴³ *Boljević v. Serbia*, 47443/14, European court of human rights, 16th June 2020. Para. 46

⁴⁴ *Backlund v. Finland*, 36498/05, European court of human rights, 6th July 2006.

⁴⁵ ECHR, *Boljević v. Serbia*, 47443/14, European court of human rights, 16th June 2020. Para. 46

⁴⁶ *Boljević v. Serbia*, 47443/14, European court of human rights, 16th June 2020. Para. 50.

⁴⁷ *Odièvre v. France*, 42326/98, European court of human rights, 13th February 2003. Para. 44.

деленности в этом отношении⁴⁸. С другой стороны, Суд признал заинтересованность предполагаемого отца в его защите от претензий в отношении фактов отцовства, которые имели место много лет назад, что означает наличие конфликта интересов ребенка (в широком смысле) и предполагаемого отца. Суд также указал, что, кроме интересов ребенка и отца могут вступать в конфликт другие интересы, такие как интересы третьих сторон, в основном интересов членов семьи предполагаемого отца, и общие интересы правовой определенности. Суд подчеркнул, что право умершего, от которого необходимо взять образец ДНК, на уважение его частной жизни не может быть нарушено требованием заявителя о проведении анализа ДНК (*Jäggi v. Switzerland*, 2006) (Para. 42), сделанным после его смерти⁴⁹.

При решении вопроса баланса интересов в ходе рассмотрения дел, касающихся временных ограничений в отношении установления отцовства, Суд принял во внимание ряд факторов, таких как время, когда заявителю стало известно о наличии или отсутствии биологической связи с конкретным лицом, и истечение срока исковой давности по данным делам, существуют ли альтернативные средства решения таких вопросов и т.д. По делу *Шофман против России* ЕСПЧ указал на нарушение ст. 8 ЕКПЧ в связи с тем, что государство-ответчик не соблюдало баланс интересов заявителя и правовой определенности при установлении годичного срока возможного оспаривания отцовства с момента рождения ребенка, а заявителю стало известно, что он не является отцом ребенка два года спустя в момент развода с супругой⁵⁰. Кроме того, в некоторых случаях Судом было установлено нарушение ст. 8 о праве на частную и семейную жизнь в результате отказа государства в применении достижений биомедицины и несоблюдения необходимого баланса интересов (*Bévière-Boyer & Bouffard*, 2014).

По рассматриваемому делу Суд отметил, во-первых, что заявитель предпринял попытки установить личность своего биологического отца, что является для него жизненно важным интересом, защищенным Конвенцией, и который не исчезает с возрастом⁵¹. Во-вторых, заявителю стало известно об окончательном решении по делу об отцовстве в 2011 г. несколько десятилетий спустя после того, как истек соответствующий срок для возможного возобновления рассматриваемого разбирательства, так как заявитель подал ходатайство о повторном рассмотрении дела по установлению отцовства 4 января 2012 г. Во-вторых, Суд указал, что у заявителя не было возможности добиваться повторного рассмотрения дела об отцовстве, так как это не было разрешено национальным законодательством (национальный суд давно принял окончательное решение по дан-

⁴⁸ *Boljević v. Serbia*, 47443/14, European court of human rights, 16th June 2020. Para. 50.

⁴⁹ *Boljević v. Serbia*, 47443/14, European court of human rights, 16th June 2020. Para. 50.

⁵⁰ ЕСПЧ, Дело «Шофман против России», 2005 г.

⁵¹ *Boljević v. Serbia*, 47443/14, European court of human rights, 16th June 2020. Para. 54.

ному делу, а заявитель не знал о существовании такого решения). В-третьих, Суд подчеркнул, что личная жизнь умершего человека, то есть предполагаемого биологического отца заявителя в данном деле, у которого должен был быть взят образец ДНК, не могла бы пострадать от просьбы заявителя, сделанной после его смерти. В-четвертых, Суд отметил, что в материалах дела не содержалось информации о позиции семьи покойного в случае проведения анализа его ДНК, и подчеркнул, что в любом случае жалоба заявителя в данном деле касалась того, что ему было отказано в возможности доказать, что гражданин А. действительно был его биологическим отцом. Европейский суд по правам человека отметил, что он не может согласиться с доводом государства-ответчика о том, что заявитель должен был подавать новый гражданский иск на основании статьи 55 Закона Сербии о семье для установления личности его отца путем проведения теста ДНК⁵².

В результате Европейский суд по правам человека пришел к выводу о том, что необходимость сохранения правовой определенности сама по себе не может служить основанием для лишения заявителя права устанавливать его происхождение. Суд отметил, что само государство-ответчик в своих доводах признало, что национальные суды по данному делу не смогли решить существенный вопрос о том, был ли на самом деле гражданин А. биологическим отцом заявителя, учитывая существующие временные ограничения, которые привели к отказу в проведении повторного разбирательства по делу на национальном уровне. По мнению Суда, из этого следует, что с учетом обстоятельств дела и первостепенной заинтересованности заявителя власти Сербии, несмотря на наличие свободы усмотрения, предоставленной им в этом контексте, не обеспечили заявителю реализации права на уважение его частной жизни в соответствии с Европейской конвенцией прав человека. Суд указал, что имело место нарушение ст. 8 Европейской конвенции прав человека.

Заключение

В заключение можно отметить, что достижения в области биомедицины и биотехнологии затрагивают права человека, закрепленные в международных документах по правам человека, в частности в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Например, анализ ДНК, который стал возможным в 1980-х годах, играет важную роль в установлении отцовства и иных родственных связей между людьми, что имеет большое значение для реализации права на частную и семейную жизнь. Однако, несмотря на быстрое развитие новых технологий и их влияние практически на все сферы жизни человека и общества, только в Европе был принят региональный документ обязательного характера, предусматривающий основные начала, принципы примене-

---

⁵² Boljević v. Serbia, 47443/14, European court of human rights, 16th June 2020. Para. 54.

ния достижения биомедицины в свете защиты прав и достоинства человека: Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины 1997 г. (Конвенция о правах человека и биомедицине, или Конвенция Овьедо). Необходимо принять подобный юридический обязательный документ на универсальном уровне и в других региональных системах прав человека. В своей практике Европейский суд по правам человека сталкивается и рассматривает дела в сфере геномики и прав человека, некоторые из них были рассмотрены в данной статье.

В своей практике по делам, затрагивающих биомедицину, Европейский суд по правам человека установил, что принудительное взятие у гражданина образца генетического материала для установления факта предполагаемого правонарушения или преступления представляет собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение и серьезное вторжение в его физическую неприкосновенность, что является нарушением статьи 3 ЕКПЧ (запрещение бесчеловечного или унижающего достоинство обращения). Это означает, что при обращении с генетическими материалами человека необходимо соблюдать принцип добровольного и информированного согласия (Trigoz, 2019), но не всегда можно получить согласие лица (Lyanov, 2018).

По рассматриваемому выше делу *Boljević v. Serbia* Европейский суд по правам человека постановил, что имело место нарушение права заявителя на уважение частной и семейной жизни, закрепленного в ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. со стороны государства-ответчика. Суд посчитал признание нарушения права заявителя достаточным нематериальным возмещением причиненного вреда. По данному делу (и по другим некоторым делам) ЕСПЧ указал, что дела, связанные с установлением отцовства, подпадают под действие ст. 8 о праве на частную и семейную жизнь, и что интерес ребенка знать своего родителя является важным для реализации указанного права. В связи с этим право ребенка установить личности своих родителей, в том числе путем анализа ДНК, не теряет свою актуальность и важность со временем. Следовательно, лицо имеет право в любое время требовать установления личности своих родителей или детей путем осуществления анализа ДНК. Следует отметить, однако, что необходимо учитывать и соблюдать баланс интересов запрашивающего лица, интересов предполагаемого родителя и членов его семьи, а также интересов государства по сохранению правовой определенности.

Исходя из рассматриваемой практики можно отметить, что при решении вопроса о правовом регулировании общественных отношений в сфере геномики государствам нужно исходить из необходимости соблюдения баланса прав человека, законных интересов частных лиц и общества, а также учитывать существующую лучшую практику международных органов и отдельных государств в этой сфере.

Библиографический список / References

- Bévière-Boyer, B. & Bouffard, C. (2014) Réflexions sur le diagnostic préimplantatoire autour de l'arrêt de la Cour européenne des droits de l'homme du 28 août 2012. *Médecine & Droit*. (125), 34–39. (in French).
- Conor, O. & Ursula, K. (2014) O'Keeffe v Ireland and the duty of the state to identify and prevent child abuse. *Journal of Social Welfare and Family Law*. 36(3), 320–329. Doi: 10.1080/09649069.2014.939884
- Duguet, A.M., Prudil, L. & Hrevtsova, R. (2014) Gestation pour autrui pratiquée à l'étranger: conséquences pour les couples français et évolution du cadre légal dans certains pays. *Médecine & Droit*. (125), 46–51. (in French).
- Joural, E. (2019) Selected Legislation and Jurisprudence. *European journal of health law*. (26), 255–269.
- Kalinichenko, P.A. (2019) Development of Court Practice in Cases Involving Human Genomics: World Experience and Russia. *Lex Russica*. (6), 30–36. Doi.org/10.17803/1729-5920.2019.151.6.030-036 (in Russian).
Калиниченко П.А. Развитие судебной практики по делам в сфере геномики человека: мировой опыт и Россия. *Lex russica (Русский закон)*. 2019. № 6. С. 30–36. Doi.org/10.17803/1729-5920.2019.151.6.030-036
- Kalinichenko, P.A. & Kosilkin, S.V. (2019) Genomic Research: Council of Europe Standards and Legal Regulation in Russia. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. (4), 108–118. Doi.org/10.17803/2311-5998.2019.56.4.108-118. (in Russian).
Калиниченко П.А., Косилкин С.В. Геномные исследования: стандарты совета Европы и правовое регулирование в России // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 4. С. 108–118. Doi.org/10.17803/2311-5998.2019.56.4.108-118
- Kaplina, O.V., Shylo, O.H. & Titko, I.A. (2019) Using the samples of human biological materials in the criminal procedure: the practice of the European Court of Human Rights. *Wiadomosci Lekarskie (Warsaw, Poland: 1960)*. 72(8), 1576–1581.
- Lazic, D. (2013) The European Court of Human Rights Grand Chamber: Scoppola v. Italy (No. 3). *International Legal Materials*. 52(1), 323–344. Doi: 10.5305/intelegamate.52.1.0323
- Lyanov, M.M. (2018) Development of a DNA database in the Russian Federation: problems and development prospects. *Siberian criminal procedural and criminalistic readings*. 2 (20), 59–67. (in Russian).
Льянов М.М. Развитие базы данных ДНК в Российской Федерации: проблемы и перспективы развития // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2018. № 2 (20). С. 59–67.
- Margaria, A. (2020) Parenthood and Cross-Border Surrogacy: What Is 'New'? The ECtHR's First Advisory Opinion. *Medical Law Review*. 28(2), 412–425.
- Raposo, V.L. (2016) The convention of human rights and biomedicine revisited: Critical assessment. *The International Journal of Human Rights*. 20(8), 1277–1294.
- Saukkola, J. (2020) *Child in the middle: Best interests of the child in the European Court of Human Rights in cases concerning public care and contact rights*. University of Helsinki. Helsingin Yliopisto.
- Seatzu, F. & Fanni, S. (2015) The Experience of the European Court of Human Rights with the European Convention on Human Rights and Biomedicine. *Utrecht Journal of International and European Law*. 31(81), 112–113. Doi: http://doi.org/10.5334/ujiel.dk
- Sidorenko, M.V. (2016) Legal certainty as a fundamental general legal idea: notion, essence and purpose. *Bulletin of South Ural State University. Series "Law"*. 16(3), 45–51. (in Russian).

- Сидоренко М.В.* Правовая определенность как фундаментальная общеправовая идея: понятие, сущность и назначение // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2016. Т. 16. № 3. С. 45–51.
- Steiner, E. (2003) Desperately Seeking Mother — Anonymous Births in the European Court of Human Rights. *Child and Family Law Quarterly*. 15(4), 425–448. Available from: SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2030906> [Accessed 18th November 2020].
- Trikoz, E.N. (2019) Protection of human rights in the context of the development of bioethics and genomics (thematic review of the international round table). *RUDN Journal of Law*. 23(1), 141–154. Doi: 10.22363/2313-2337-2019-23-1-141-154
- Трикоз Е.Н.* Защита прав человека в контексте развития биоэтики и геномики (обзор международного круглого стола) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 23. № 1. С. 141–154. Doi: 10.22363/2313-2337-2019-23-1-141-154
- Troitsky, S.V. (2017) The Principle of Legal Certainty as a Rule-making Defect Identified by the Constitutional Court of the Russian Federation. *Bulletin of the International Institute of Economics and Law*. 2 (27), 55–62. (in Russian).
- Троицкий С.В.* Принцип правовой определенности как дефект нормотворчества, выявленный Конституционным Судом Российской Федерации // Вестник Международного института экономики и права. 2017. № 2 (27). С. 55–62.
- Wąsek-Wiaderek, M. (2019) Advisory Opinions of the European Court of Human Rights: Do National Judges Really Need This New Forum of Dialogue? In: *Judicial Power in a Globalized World*. Springer International Publishing. pp. 637–652.
- Weiss, A. (2019) *Mennesson v France* and Advisory Opinion concerning the Recognition in Domestic Law of a Legal Parent-Child Relationship between a Child Born through a Gestational Surrogacy Arrangement Abroad and the Intended Mother. *The Statelessness and Citizenship Review*. 1(2), 343–349. Available from: <https://statelessnessandcitizenshipreview.com/index.php/journal/article/view/115> [Accessed 18th November 2020].

Об авторе:

Букуру Жан-Батист — ассистент, кафедра международного права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID ID: 0000-0002-9063-0529; Scopus ID: 57208902709; SPIN-код: 8240-7272

e-mail: bukuru-zh@rudn.ru

About the author:

Bukuru Jean-Baptiste — Assistant, the Department of International Law, Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-9063-0529; Scopus ID: 57208902709; SPIN-code: 8240-7272

e-mail: bukuru-zh@rudn.ru